

Су И покачал головой:

— Кость срастается сто дней. Я считаю: осталось восемьдесят пять.

Му Чэнь фыркнул:

— Да ты издеваешься?

Су И совершенно искренне ответил:

— Нет.

Улицы городка Янлю были запружены. Сегодня, видимо, снова базарный день — особая примета окрестностей: через день сюда съезжаются толпы пожилых горожан с сумками и тележками за продуктами. Улицы забиты трёхколёсными грузовичками, велосипедами и электросамокатами. В таких ситуациях Му Чэнь проявлял невероятное терпение, покорно ожидая, пока старики неспешно переходят дорогу перед капотом, и ни разу не нажимал на клаксон.

Су И начал нервничать:

— Почему не сигналишь?

Му Чэнь, высматривая просвет в потоке и по сантиметру продвигая машину вперёд, ответил:

— Здесь это бесполезно. Сигналишь — обернутся, начнут орать, что напугал. Хорошо ещё, если не подставятся под удар.

Су И не поверил своим глазам, глядя на трёхколёсный грузовичок, замерший рядом:

— Да он посреди дороги спицами играет?!

Му Чэнь усмехнулся:

— Может, ты на своей покалеченной ноге сходишь купить? Судя по твоей скорости, вернёшься — а я всё ещё тут буду.

Су И окончательно сдался, открыл дверь, спустился, прихрамывая, и направился к уличному ларьку. Купил две палочки, два стакана соевого молока, расплатился. Хотел уже высматривать машину Му Чэня впереди, оглянулся — и обомлел:

— Да ты что! Ни на сантиметр не сдвинулся?!

Доели палочки и допили молоко уже в машине, и наконец-то, впритык, добрались до участка.

Сегодня было их дежурство.

На улице стояла духота, пахло грозой. После долгой зимы нервы у людей истончились, телефонные звонки сыпались один за другим, раздражая.

Едва заступив на смену, четверо, разбившись на две группы, закрутились в бесконечных выездах. Су И с Симэнем выехали первыми, Му Чэнь с Сюй Цзяном — следом. Не успели оглянуться, как пролетело два-три часа, даже пообедать не удалось. Группа Су И как раз привезла в участок двух забияк, устроивших потасовку. Полицейская машина только подъехала

к воротам внутреннего двора, как увидели, что начальник, Чжоу Си и остальные, все с землистыми лицами, спешно садятся в машины и выезжают.

Су И высунулся из окна пассажирской двери и крикнул:

— Начальник, что случилось?

Начальник, обычно невозмутимый как скала, на этот раз отчётливо, до мельчайшей черты, выражал крайнюю тревогу. Впопыхах он бросил на ходу:

— С Му Чэнем что-то. — И, не договорив, вдавил педаль газа в пол.

Су И застыл на месте, не сразу осознав. Что случилось? Только же всё было в порядке? Оцепенев на мгновение, он тут же схватился за телефон. Пальцы, набирающие номер, предательски дрожали, сердце колотилось где-то в горле, казалось, вот-вот выпрыгнет. Гудки в трубке звучали бесконечно, будто доносясь сквозь световые годы.

Наконец, кто-то ответил. Су И почувствовал, как сердце на мгновение опустилось на место. Не дожидаясь, пока собеседник заговорит, он рявкнул:

— Ты что такое учудил?!

Су И думал, что на том конце Му Чэнь, и мысленно облегчённо выдохнул: значит, не самое страшное. Но после паузы в трубке раздался не его голос. Сердце Су И снова провалилось в бездну.

Сюй Цзян произнёс медленно:

— Брат Су, это я, Сюй Цзян. Му Чэнь... потерял сознание.

Су И на секунду решил, что это дурацкая шутка, и закричал, закипая от нетерпения:

— Потерял сознание? Что значит «потерял сознание»? Он же завтракал! У него что, сахар упал?

Сюй Цзян ответил дрожащим голосом:

— Только что были на вызове. Двое граждан упали в какой-то резервуар. Там, кажется, ядовитый газ был. Му Чэнь спустился, вытащил их двоих, а сам, как поднялся... и отключился.

Услышав это, Су И сам чуть не потерял сознание.

— Где вы сейчас? — спросил он.

— В «Народной больнице», его спасают.

...

Словно гром грянул у Су И над головой. Ледяной холод мгновенно разлился по всему телу.

Он вцепился в рукав Симэня:

— В больницу!

Симэнь, не говоря ни слова, уже собрался газовать.

Су И снова вцепился в него:

— Стой!

Он отчаянно хотел немедленно рвануть в больницу, но все остальные уже уехали, а с дежурства самовольно сниматься нельзя. Да и в машине ещё граждане сидят, все на него уставились.

Симэнь, в полном недоумении, спросил:

— Брат Су, что случилось?

Су И глубоко вдохнул:

— Му Чэнь в отключке. Его спасают.

Симэнь:

— Спасают?! Тогда езжай, посмотри!

Су И бессильно взглянул на него:

— Нет. Я уеду — у вас не останется ответственного по смене.

Он чувствовал, как тончайшая нить натянулась у него внутри, и боль от собственного бессилия разливалась по всему телу. Су И пока не потерял рассудок и не покинул пост. Постояв в оцепенении, он обернулся и увидел привезённую для разбора толпу. Сердце похолодело.

Рассеянно Су И распорядился, чтобы Симэнь для начала куда-нибудь разместил этих людей — лишь бы не подрались, пусть хоть ругаются. Затем дрожащими руками отправил начальнику сообщение: «Начальник, прошу вас, сообщайте о состоянии Му Чэня. Хорошо?» С тревогой прождал четверть часа и получил в ответ: «Хорошо».

В комнате примирения две кучки, человек десять-пятнадцать, всё ещё препирались, осыпая друг друга бранью. Су И сидел напротив них, прямой и неподвижный, с каменным лицом, не проронив ни слова, будто душа его покинула тело. Всё его существо сейчас витало у дверей реанимации «Народной больницы», в мучительном и терпеливом ожидании вестей.

Атмосфера в комнате стала невыносимо гнетущей. Су И уже почти не мог сдерживаться. Он поднялся, прихрамывая подошёл к двери, позвал Симэня:

— Брат Мэнь, есть сигарета?

Симэнь пошарил в кармане:

— Брат Су, ты же не куришь.

Су И молча взял сигарету. Симэнь протянул зажигалку, прикурил. Су И затянулся — дым обжёг горло, он закашлялся. Отдышавшись, провёл рукой по лицу — по щеке текли слёзы. Су И швырнул сигарету на пол и раздавил её каблуком. Слёзы не останавливались — то ли от дыма, то ли от страха.

Симэнь в тревоге метнулся, принёс пару бумажных салфеток. Су И глубоко вздохнул, взял салфетку, вытер лицо и, припадая на ногу, вернулся в комнату примирения.

Собравшиеся, кажется, почуяли недружелюбную атмосферу. Прежний гвалт поутих.

Су И взглянул на часы. Ему казалось, будто он сидит на иголках. После долгой перепалки все наконец заметили, что молодой полицейский выглядит как-то странно: лицо суровое и холодное, глаза воспалённо-красные, а взгляд... взгляд словно горел, излучая леденящую, неумолимую ауру, которая медленно наполняла собой всю комнату.

Ещё недавно неистово кричавшая толпа постепенно затихла. Все уставились на этого молодого парня, призванного вершить правосудие.

Увидев, что стороны наконец замолчали, Су И, подавив внутреннее раздражение и тревогу, медленно заговорил. Голос его звучал опасно низко:

— Договорились? Нет? Тогда я говорю.

Собравшиеся невольно поёжились и закивали: «Говорите, говорите!»

Взгляд офицера Су был подобен факелу, а слова падали, как камни. В нескольких фразах он указал на суть и расставил приоритеты, в полной мере проявив грозный авторитет народной полиции — «суровые, но немногословные». И что удивительно, две враждующие стороны чудесным образом разрешили свой конфликт и поочерёдно подписали «Соглашение о примирении сторон».

В конце бывшие противники, словно старые друзья, пожали друг другу руки и, сбившись в кучки, вывалились из комнаты. Судя по всему, теперь они собирались домой, зарезать свинью и отпраздновать вечную дружбу.

Видимо, иногда народной полиции тоже не стоит быть излишне мягкой, терпеливой и многословной. Спокойная, но непререкаемая властность — три части строгости, семь частей утрашения — порой работает лучше пистолета.

Весь день Су И провёл в прострации, с окаменевшим лицом. Он не выпускал телефон из руки, поминутно поднимая его, чтобы проверить, не пришло ли сообщение от начальника, — казалось, он вот-вот продавит корпус пятью пальцами.

День тянулся невыносимо долго. Лишь глубокой ночью, около двух, пришло короткое сообщение от начальника: «Из опасности вывели».

Су И уставился на экран телефона, словно не веря глазам. Тут же набрал номер начальника и, услышав его собственный голос, сообщивший: «Му Чэнь всё ещё без сознания, но врачи говорят, что жизни сейчас ничего не угрожает», — положил трубку.

И только тогда его сердце, всё это время висевшее на волоске, наконец немного опустилось на место. Дикая, запоздалый страх от мысли, что он едва не потерял Му Чэня, заставил Су И горько сожалеть: почему он тогда не поехал на вызов вместе с ним? Впредь он всегда будет рядом, никогда больше не позволит ему рисковать в одиночку.

Но он и сам не был уверен: окажись он на месте Му Чэня, смог бы он, не думая о себе, броситься в тот резервуар? Усомнился бы? Впрочем, в одном он был уверен точно: он больше не позволит Му Чэню нести всё в одиночку. Перед лицом опасности вдвоём всё-таки лучше,

чем одному.

<http://bllate.org/book/16252/1461868>